

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1



**ЭДУАРД АМЧИСЛАВСКИЙ:
О ТОМ, КАК ЛЕОНИД УТЁСОВ
«СОЧИНИЛ» СВОЮ ЖИЗНЬ**

СТР.4-7



№21 (311)
МАЙ 2026

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ



КОНТАКТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Наша последняя встреча с народным артистом Игорем Дмитриевым состоялась двадцать лет назад в 2006 году за два года до его ухода.

Геннадий Норд

— Ты мечтал об актерской карьере с детства?

— Не могу сказать, что со школьных лет я мечтал сыграть, например, капитана Немо или д'Артаньяна, но потребность лицедействовать, изображать, смешить и танцевать у меня была всегда. Не из тех я мальчиков, которые играют в хоккей и в казаки-разбойники по подвалам и чердакам.

Когда мама уходила на репетиции — она была балериной, в тридцатые годы работала в Ленинградском мюзик-холле под руководством великого балетмейстера Касьяна Голейзовского, — мне нравилось брать ее грим, рисовать себе усы, бакенбарды, надевать театральные костюмы. И импровизировать. Это были именно импровизации на какие-то героические, романтические сюжеты, но без всякой литературной основы, без текстов и монологов. Помню, из «ценного» реквизита у меня была шпага — настоящая, французская. В 1941 году моя бабушка вместе с мамой, перепуганные войной и запретом на хранение дома любого вида оружия, разломали ее и закопали где-то во дворе.

— Как мама относилась к твоим увлечениям?

— Она не подталкивала, но и не запрещала. А вот бабушка... Бывало, когда я учился во вторую смену, скручивала полотенце и бегала за мной по длинному коридору нашей коммунальной квартиры с криком: «Одевайся, в школу пора!»

В детстве я устраивал «кукольные» спектакли: ставил стулья с высокими спинками, накрывал их скатертью, будильником давал звонки к началу представления, созывая всех соседей по квартире.

Потом была школьная самодеятельность, хореографическая студия ДК имени Капранова, Ленинградский дворец пионеров, где в ансамбле Исаака Дунаевского я танцевал знаменитую «Тачанку» в постановке Аркадия Обранта. Играли пьесу «Принц и нищий». Я — лорд Гердфорда, а ныне покойный Игорь Горбачев — принца.

Во время войны хореографическое училище эвакуировали в Молотов (ныне снова Пермь), мы оказались в эвакуации вместе с Мариинским театром и училищем Вагановой. В свободное время я выступал в госпиталях, читая Константина Симонова: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»

А потом... После восьмого класса я бросил школу и поступил в театральную студию при молотовском драмтеатре. Если назвать состав педагогов, которые преподавали нам теоретические предметы, ты удивишься.



В детстве



В юности

Это, можно смело сказать, были «сливки» театрального дела России. Там преподавали Стефан Стефанович Мокульский, Сергей Сергеевич Данилов, Алексей Карпович Джигелегов. Это были столпы! Я там занимался полтора года, а уж затем поехал в Москву — поступать в артисты.

— Поступал по-хитрому — подал заявление сразу в четыре театральных вуза...

— И в два из них прошел по конкурсу. Причем, чтобы быть зачисленным в Школу-студию при МХАТе, на которой я в итоге остановил свой выбор, мне пришлось совершить свой первый театральный подвиг. Проблема заключалась в том, что у меня не было школьного аттестата зрелости! И, узнав, что в Московском авиационном институте был пожар, мне удалось убедить целую приемную комиссию МАИ в том, что они мой «серебряный» аттестат потеряли. Мне выдали справку об утере, хотя никакого документа и в природе не было — среднюю школу-то я не закончил.

Когда эту историю узнали во МХАТе, сказали, что я выдержал второй экзамен по актерскому мастерству.

— Ты как-то сказал, что среди твоих сокурсников немногие стали известными актерами.

— На курсе нас училось всего девять человек. Заводейкой была Марина Ковалева. Очень рано умер талантливый Саша Михайлов, который снялся в «Двух капитанах», был хорошим артистом Алеша Покровский, но почему-то он расстался с МХАТом и перешел на песни под гитару. Может, это нескромно, но состоялись только Миша Пуговкин и я. Хотя ни он, ни я не получали повышенных стипендий.



В фильме «Тихий Дон» (1957-1958)

Но по окончании студии во МХАТ меня не позвали.

— Говорят, ты косвенно причастен к тому, что Олег Ефремов поступил в школу-студию МХАТа?

— Он пришел на первый тур, читал «Желание слав» Пушкина, читал замечательно, яростно и всем так понравился, что мы, тогда уже студенты школы-студии, с нетерпением ждали его на второй тур. Но он не пришел. Мы с Толей Вербицким с трудом разыскали его адрес, и пришли к нему домой. А он, оказывается, идти в артисты передумал, решил поступать в какой-то технический вуз. Долго его переубеждали и переубедили.

А потом все отучились. Я уехал в Ленинград, Олега пригласили в Центральный детский театр — как мы между собой шутили, «иванушек-дурачков играть», Толя был принят во МХАТ.

Когда через несколько лет, создав прекрасный театр «Современник», Ефремов перешел в Художественный театр, он начал игнорировать и избегать всех своих бывших однокашников по школе-студии и тех, кто работал в театре до него. В итоге судьба многих из них сложилась печально, а у Толи Вербицкого — просто трагически. Настоящий, потомственный мхатовец, красавец, он проработал там несколько лет, блистательно сыграл в кино Печорина, а в театре не получал ролей. Не выдержал унижений. Однажды закрылся на кухне, открыл газ и засунул голову в духовку.

— Как ты попал на съемки «Тихого Дона» к Сергею Герасимову?

— На съемках фильма Григория Козинцева «Белинский», где я играл в массовке, я подружился с двумя его учениками, молодыми режиссерами Стасиком Ро-



В фильме «Поднятая целина» (1959-1961)

С **Инокентием Смоктуновским** и **Вадимом Медведевым** в фильме «Гамлет» (1964)С **Ефимом Копеляном** в фильме «Даурия» (1971)

стоцким и Вениамином Дорманом. Я в это время уже работал в театре Комиссаржевской, но дружба с ними, личностями очень яркими, интересными, образованными, чудесно знающими поэзию, многое давала мне. В компании с ними весело гуляли — то на яхтах по Финскому заливу, то на охоту ездили, на медведя.

И однажды я позвонил — просто чтобы отметить, мол, я в Москве, а Дорман, которого, как оказалось, Герасимов взял к себе вторым режиссером, вдруг спросил меня:

— Ты читал «Тихий Дон»? А знаешь, что там есть роль — Евгений Листницкий? Посмотри-ка и приезжай!

Я бегом в библиотеку. И вот еще до знакомства с Герасимовым я надеваю френч, высокие офицерские сапоги, мне клеят легкие усики и — ведут в кабинет шефа. Там сидели Тамара Макарова, оператор Раппопорт, администратор Кушлянский. Вхожу — подтянутый, в золотых погонах, сапоги блестят. Здравуюсь. Целую руку Тамаре Федоровне, скрывая волнение, и неожиданно для себя с ходу спрашиваю Герасимова:

— Сергей Апполинарьевич, у Шолохова описано пенсне Листницкого. Хочу с вами посоветоваться, какое будет лучше, прямоугольное или овальное?

И примеряю оба.

Потом Кушлянский рассказывал:

— Ты так спросил про пенсне, как будто всё остальное уже решено, и то, что сниматься будешь ты, — сомнений нет.

Всё! Вот эти два нюанса — вопрос на уровне профессии и поцелуй руки Тамары Макаровой, которая, кстати, когда-то танцевала вместе с моей мамой, разом перевернули всю мою жизнь. Кто-то мне тогда сказал: «Игорь, ты выиграл 200 тысяч по трамвайному билету».

Получить роль у Герасимова в шолоховской картине, не будучи его учеником, действительно было равносильно безумному выигрышу.

— После роли Листницкого посыпались предложения?

— Следующая роль в «Поднятой целине» — тоже паручик, Лятевский, одноглазый. И последующие фильмы «Пароль не нужен», «Даурия» — там я тоже играл офицеров, всяких подлецов, карателей. Но роли все были разные, даже внешне — то с глазом, то без.

— Ты понимал, что за эти роли, как ни сыграй, тебе не светят ни Ленинская премия, ни звания?

С **Всеволодом Якутом** в фильме «Тупли с золотыми пряжками» (1976)

В фильме «Собака на сене» (1977)

— В то время, даже если в каком-нибудь провинциальном театрике шел спектакль, и там была роль Ленина, актер, ее игравший, был обречен на получение звания заслуженного артиста, ордера на квартиру и доплаты к жалованью в сто рублей. Он был о-бре-чен! И, конечно, актеры, играющие отрицательные роли, тоже по-своему были обречены. Но для меня в тот момент важнее было само участие, общение с таким режиссером, как Герасимов.

— А тебя не приглашали на роль Ленина?

— Зачем? Из 120 картин, в которых я снялся, партийных ролей у меня было всего две — Бонч-Бруевич в картине «Доверие» (там Ленина сыграл Кирилл Лавров) и секретарь парткома Артюшкин в «Обратной связи». Причем, последний был задуман, разумеется, как герой положительный. Но режиссер Трегубович, который не очень любил Советскую власть за раскулаченных и расстрелянных в Сибири родных, специально пригласил на эту роль меня. Он понимал, что в силу индивидуальности я обязательно использую весь свой арсенал юмора и скрытой иронии, то, что называется «умный не скажет, дурак не поймет». И оказался прав! На премьере в Доме кино — я сейчас не помню, на какое мое слово или фразу или на какой-то жест, — были смех и аплодисменты. Зал буквально взорвался!

— У тебя были трения с режимом из-за дворянского происхождения?

— Из-за происхождения не было, потому что раньше я писал в анкетах, что я «из крепостных». Теперь пишу «из дворян». И то, и другое — чистейшая правда, ведь мои предки — плод любви крепостной Авдотьи Емельяновны Демиденко и сына дворянки Анны Павловны Шерер, Адама Христиановича.

— Вот как?

— Да-да, та самая хозяйка салона из «Войны и мира» Льва Толстого приходится мне прапрабабушкой. В тридцатые-сороковые годы гордиться дворянским происхождением не рекомендовалось, и мое поколение в этом смысле было не особо болтливо, если вспомнить 1937-й год. Второй муж моей мамы погиб в лагерях, ее саму арестовали. Мне этого никогда не припоминали. Но страх оставался на десятилетия.

— Михаил Пуговкин рассказывал, что свой знаменитый танец «втустепь» для «Свадьбы в Малиновке» он репетировал два с половиной месяца. Ты тоже во многих фильмах танцуешь и поешь.

— Я не обладаю особенными вокальными данными, но танцую с детства. В картине «Зеленая карета» я придумал такой трюк: в одной из сцен мой герой, актер Николай Дюр, в ответ на какую-то реплику тростью

Окончание на с. 10

С **Олегем Далем** в фильме «Приключения принца Флоризеля» (1979)С **Василием Ливановым** в фильме «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» (1979-1980)



С Елизаветой Никищихиной в фильме «Покровские ворота» (1982)



С Юрием Богатыревым в фильме «Дон Сезар де Базан» (1989)

Окончание. Начало на с.9

сбивает с головы свой цилиндр, ловит его на ногу и потом ногой же возвращает его на голову. Вот это — два месяца пота! Каждый день! Но ужас был в том, что дома это уже получалось всегда, а на съемке шесть дублей — цилиндр на полу. Мой большой друг режиссер Ян Борисович Фрид сердился:

— Игорь, мы больше не можем тратить пленку.

— Мне было так обидно, что я взмолился:

— Еще один дубль!

Получилось! Было снято и вошло в картину.

I — Твоя любимая кинополь.

— Роли — как влюбленности. Ты увлечен и ты счастлив, если это взаимно, и жизнь кажется прекрасной. Проходит время, — ты встречаешь другую роль, другую любовь и вновь теряешь голову.

Хотя, конечно, есть «этапы большого пути». Есть фильмы, как «Тихий Дон», которые определили мою актерскую судьбу. Не будь их, ничего бы не было. Такими в моей карьере я могу назвать «Поднятую целину» режиссера Иванова и «Гамлета» Козинцева.

Другой пласт ролей — «Зеленая карета», «Летучая мышь», «Собака на сене» — иной жанр, музыкальный, эксцентрика, юмор, ирония.

Потом идут «Приключения принца Флоризеля».

Каждая из картин имеет свою биографию, и я не могу выделить ни одну. А «Гамлет» со Смоктуновским и четыре картины с Олегом Далем — просто подарок судьбы.

Но со Смоктуновским и Далем надо было ухо держать востро.



I — В каком смысле?

— Оба очень любили импровизировать. Я это тоже люблю, но у них все-таки первая скрипка. И Даль совершенно «увядал», когда его импровизацию партнеры не подхватывали. Ему было скучно играть «по нотам». А Смоктуновский вообще каждый раз играл по-разному. Козинцев потом мучился — не мог выбрать дубль, все были интересны по-своему.

I — У Даля был тяжелый характер?

— Да, у него был нелегкий характер. Он был человек закрытый, малообщительный. В первых трех картинах мы снимались, практически не общаясь и только на «вы». А на съемках «Флоризеля» что-то «щелкнуло» — у нас были совместные ужины в гостиничных номерах, исповедальные беседы, разговоры о смерти. Едем в автобусе по Каунасу, навстречу возница с фонарями, черные попоны — похоронная процессия:

— Смотрите, Игорь Борисович, как здесь красиво хоронят. А меня повезут по Москве в автобусе, в закрытом гробу. Как неинтересно...

И вдруг:

— А вы придете на мои похороны?

Я не был на его похоронах, но совесть моя чиста, потому что я организовал два вечера его памяти — в Москве и Ленинграде.

— Чем талантливее человек, тем трагичнее судьба. Трудно найти Мастера благополучного от начала и до конца. Кто-то спивается, кто-то «сгорает». Почему?

— Я играл с Марией Ивановой Бабановой. Актриса



С женой Ларисой



С сыном Алексеем



великая, а судьба трагическая. Эммочка Попова из БДТ, с которой в молодости играл из пьесы в пьесу. Лёнечка Быков, у которого я снимался, Олег Даль, Луспекаев — все великие, а финалы печальные. Тот же Кеша Смоктуновский, у которого сын наркоман.

— У Смоктуновского?

— Да! Это ужасно. Помню, мы снимались в Крыму. Он играл римского императора. И взял с собой сына, потому что не мог оставить его одного в Москве — боялся. Я видел, как он играет, а сам оглядывается по сторонам — глазами ищет, где в это время Филипп.

В кадре! Кончается съемка, мы — все ведущие артисты — садимся в автобус. Нет Филиппа. Кеша молча сидит рядом, и я вижу, понимаю, что с ним происходит. Все это тоже понимают и тоже молчат. Автобус стоит. Парня вводят в состоянии такого наркотического безумия, что он падает между сидений ничком. Автобус трогается. Всю дорогу — тишина.

Я знаю о трагических финалах жизни великих актеров и многих людей, связанных с искусством. Почему? Думаю, что на этот вопрос никто не даст точного ответа.

— У тебя случались бурные романы на съемочной площадке? Например, с партнершей по «Тихому Дону» Элиной Быстрицкой?

— А зачем мне надо было портить отношения с Герасимовым? Нет, там я был влюблен в Наташу Архангельскую. Еще мне очень нравилась красавица Зинаида Кириенко — мы с ней до сих пор в добрых, дружеских отношениях, встречаемся на разных фестивалях. Зина очень достойная женщина и глубокая актриса.

— Почему актеры чаще других становятся героями невероятных «басен», сплетен? Стоит какой-нибудь паре сыграть любовь, их тут же и «поженили».

— Во-первых, зрителю интересно, что происходит за кулисами. Во-вторых, если роман в сюжете и возникает, то может перейти в жизнь. Но до свадьбы это редко доходит.

— Тогда расскажи, как у тебя до свадьбы дошло.

— Это был 1958 год. Мы с Ларисой были знакомы со школы — до войны даже вместе играли сцену из «Бориса Годунова», я был Димитрием, а она Мариной Мнишек. Война разметала нас по разным городам. Встретились в Москве. Лариса училась в Полиграфическом институте, а я — в школе-студии МХАТа. У каждого была своя личная жизнь. Мы дружили. Даже попадали в одни компании — она со своим возлюбленным-профессором, а я со своей подружкой.

А потом... Были вместе в Дагомысе. Как-то проходили мимо тира, и я предложил Ларисе пострелять. Она спросила:

— А что мне будет, если выбью 10 очков из 10?

Я, зная, что она держит винтовку первый раз в жизни, говорю:

— Тогда я женюсь на тебе!

И она ни разу не промазала. Я, как честный человек, женился.

— А если бы она не выиграла пари?

— Наверное, всё равно бы женился. Мы прожили более тридцати лет, теперь ее нет на этом свете. Наш сын давным-давно живет в Америке со своей семьей, воспитывает двух дочерей-блезняшек, моих внушек.

— В театральной среде ты известен как мастер розыгрышей. Какой считаешь самым удачным?

— Розыгрыши в пору театральной молодости — с очками Алисы Фрейндлих и с волосами на груди в спектакле «Битва за жизнь» — описаны уже и не раз. А вот однажды моей очередной «жертвой» стала Нина Ургант. Мы выступали в сборном концерте, она пела свою песню из фильма «Белорусский вокзал». И вдруг на сцену поднялась простая и, судя по всему, не очень адекватная женщина и что-то положила на стоящий в глубине сцены столик. Нина ее не видит — поет. Зал наблюдает. Оказалось, женщина оставила там 50 рублей. Нина была смущена и даже возмущена. Не найдя «дарительницу», кому-то отдала деньги.

Через два дня я ей звоню:

— Нина Николаевна? Добрый вечер! С вами говорят из 25-го отделения милиции. К нам поступила информация о том, что вы берете взятки от зрителей прямо во время концерта. Потерпевшая утверждает, что вы занимались вымогательством на глазах у переполненного зала. И вторую песню согласились спеть только при условии, что вам за нее выложат 50 рублей. Подобное имело место?

Перепуганная Нина начала что-то лепетать и извиняться: якобы зрительницу не видела, деньги не требовала.

Спрашиваю строго:

— Деньги брали?

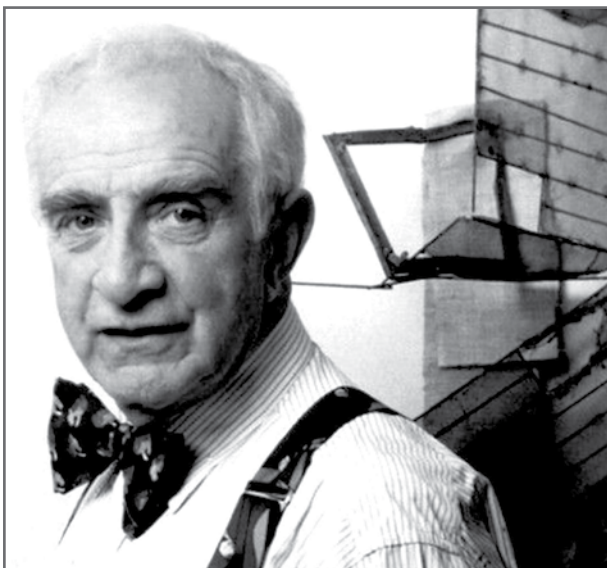
— Нет... то есть я их нашла, но отдала кому-то из рабочих сцены.

— Ах, все-таки брали! Нам придется провести очную ставку.

И тут я хмыкнул — она меня узнала! Хорошо, что у Нины потрясающее чувство юмора, мы с ней потом смеялись до упаду.

— Твои партнеры и друзья, зная эту твою «слабость», опасались тебя?

— У меня есть закон: розыгрыш никогда не должен быть обидным, оскорбительным и не должен наносить моральный и тем более материальный урон. Оскорбить человека — это не розыгрыш, это хулиганство! Другое мое правило: от розыгрыша обязательно должны получать удовольствие обе стороны, не знаю, кто больше. Я,



Могила Игоря Дмитриева на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга рядом с могилами матери и бабушки

например, предчувствуя развязку, просто от нетерпения балдею.

Старые мхатовские актеры очень любили это занятие. Качалов и Москвин на пари входили, к примеру, в парадное, раздевались догола, поднимались на лифте на пятый этаж, прятали свои вещи и, прикрывая причинные места, звонили в первую попавшуюся дверь:

— Простите, мы подкидывши!

Остальное было не важно, узнавали их или нет. Иногда давали одежду, иногда захлопывали перед их носами дверь. Проигравшие пари — Леонидов или кто-то еще — оплачивали гульбу в самом шикарном ресторане.

Меня тоже несколько раз разыграл мой друг, замечательный режиссер Владимир Воробьев. Однажды его театр гастролировал в Одессе. А я там снимался. Воробьев уговорил меня на бессловесный проход в спектакле из одной кулисы в другую, в шортиках и обязательно с сачком для ловли бабочек. Я согласился. Полдня потратил на поиски необходимого костюма — шортиков, сачка и прочих смешных атрибутов. Вечером явился к спектаклю. Воробьев был изумлен и ошарашен, долго извинялся. Не мог поверить, что я так доверчив и наивен. Но я не обиделся.

— А что ты думаешь по поводу знаменитой эпиграммы Валентина Гафта, посвященной тебе: «Всегда в лосинах, эполетах, Он скромненько стоит бочком. Изящен, молод не по летам, И...»

— «Х... [вост] по-прежнему торчком!»

Это мне делает честь. При своем остром и подчас язвительном уме Валя очень избирателен в «жертвах» для своих эпиграмм. И я у него в прекрасной компании.

— Ты со скандалом покидал сцену на 17 лет. Причина?

— У меня не было другого выхода из того униженного положения, в которое тогда меня поставило новое руководство театра Комиссаржевской. Я покинул театр и много снимался в кино. Но привычка выходить на сцену была так велика, что я заболел. Страдал, даже обращался к психиатру. Мне казалось, что если меня коснуться, то я рассыплюсь. Я уехал к морю. В санатории, по счастью, оказался мой коллега Евгений Матвеев. Мы сидели на пустынном берегу и вроде бы отдыхали. Но в шесть часов вечера, когда все актеры мира идут гримироваться, я сходил с ума.

Потом кино закружило, я немного смирился. Снимался в четырех-пяти картинах в год. Играл и с Авой Гарднер, с Элизабет Тейлор в «Синей птице», с венгерским актером Имре Шимковичем в картине «Ференц Лист», у немцев в «Гойе», у американцев в «Истории Аляски», в Алжире, в Марокко в фильме «Война трех королей». А в 1984 году режиссер Юрий Аксенов пригласил меня в Театр комедии. Соскучившись по сцене, я принял предложение, не задумываясь. Режиссер спросил: «Вам понравилась пьеса?»

Я воскликнул: «Когда первая репетиция?»

— И как себя ощущал в роли возвращенца?

— Волновался. Роль бенефисная. Коллеги внимательно разглядывали. Пришел на репетицию подготовленным. Наверное, после 17-летнего сценического воздержания азарт во мне горел, он и сработал.

К слову сказать, рецензент, который оценивал спектакль «Все могут короли», назвал уникальным случай, когда актер оставляет сцену на такой срок, а потом возвращается, и небезуспешно. Сыграли мы спектакль около трехсот раз.

— Ты веселый человек, контактный?

— Контактный — да! Веселый — нет, скорее, с годами становлюсь печальнее. «Я теперь скромнее стал в желаниях... Жизнь моя, иль ты приснилась мне?»

— Это написал всего лишь 26-летний Есенин.

— Видно, ко мне с запозданием пришли эти мысли. Причина? Я понимаю, что не вписываюсь в сегодняшний экономический мир. Не очень дружу с «сильными мира сего». А если чувствую, что меня зовут для престижности того или иного мероприятия — лицо показать, стараюсь вежливо избегать подобных тусовок.

— Можно сказать, что народный артист Игорь Дмитриев в полном порядке, и мы его еще увидим и на сцене, и в кино?

— Актер никогда не бывает «в порядке», а тем более, с возрастом, — «в полном». Когда перед 85-летним юбилеем к великому актеру МХАТа Прудкину пришел журналист с вопросом о планах, Марк Исаакович ответил:

— Всё вроде хорошо, но нет творческой перспективы.

А я отвечаю так: у английского поэта Роберта Бернса есть такие строчки: «Ты свистни, тебя не заставлю я ждать».